

О СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМ «Я» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском языке различаются два основных употребления слова *я* – местоименное и субстантивное. Местоименное *я* иначе можно обозначить как «кто-я» (указание на лицо), субстантивное – как «что-я» (указание на некую сущность). Таково в самом общем виде семантическое различие между ними. В грамматическом отношении они различаются способностью к словоизменению: *я*-местоимение изменяется по падежам, а *я*-существительное не изменяется (Зализняк 2003, 662). В этом существительное *я* сходно с такими не до конца освоенными русской грамматикой «иностранцами», как *пальто* или *желе*. В самом деле, исторически более ранним было местоименное *я*, прочно укорененное в системе русского и индоевропейского словоизменения (Фасмер, 538; ЭССЯ, 100-103; Топоров 1992; Красухин 2000; Николаева 2003). Субстантивное *я*, напротив, появилось в русском языке относительно недавно – на рубеже XVIII – XIX вв. – по аналогии с немецким *Ich* и французским *moi*. До этого момента развитие личного местоимения первого лица от древнерусского состояния к современному состояло, по сути, в расширении его употребления – от отсутствия (в нормальном случае) во всех синтаксических позициях к использованию «при любом сказуемом в любом синтаксическом контексте» (Зализняк 2004, 172; о древнерусском узусе *я/яз* см. тж.: Горшкова, Хабургаев 1981, 246-247; Ефимова 2002; Зализняк 2004, 130-131, 170-172). К моменту появления субстантивного *я* употребление *я*-местоимения в русском языке было уже практически таким же, как в современном языке.

При пересадке на русскую почву таких терминов как *Ich* или *moi* проблема лексического выбора эквивалента не стояла – личное местоимение первого лица было вне конкуренции. Поэтому вероятность семантического сдвига при переводе здесь невелика. Свообразие семантики русского *я* проявляется в его употреблении, механизмы которого и составляют предмет настоящей работы. Материалом для наблюдения служат при этом контексты конца XVIII – XX вв. (около 160 названий произведений) из личной картотеки и Национального корпуса русского языка. Жанрово-тематические границы не играли при отборе контекстов никакой роли. Единственное ограничение касалось дефиниций *я*, которые в качестве прямых утверждений того или иного автора имеют преимущественную ценность для истории философского освоения понятия «я», но малопоказательны при изучении общеязыкового узуса, к области которого относятся, в частности, грамматическая и лексическая сочетаемость *я*, его

СМЫСЛОВЫЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ, ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ Я-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ И Я-МЕСТОИМЕНИЕМ¹.

Предыстория: Радищев и Карамзин

Наиболее ранние из известных мне опытов субстантивного употребления *я* предпринял А.Н. Радищев в своем незавершенном трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792-1796):

(1) Обратим взор наш на человека; рассмотрим самих себя; проникнем оком любопытным во внутренность нашу и потщимся из того, что мы есть, определить или, по крайней мере, угадать, что мы будем или быть можем; а если найдем, что бытие наше, или, лучше сказать, наша единственность, *сие столь чувствуемое я* продлится за предел дней наших на мгновение хотя едино, то воскликнем в радовании сердечном: мы будем паки совокупны; мы можем быть блаженны; мы будем! – Будем?

(2) И хотя бы (согласимся и на то), хотя бы душа жила в семени до начатия веков; но когда она начинает действовать и мыслить, того не знает, не воспоминает, что она когда-то была жива. А поелику не помнит о своем предрождественном состоянии, то человек настоящий, *я настоящее, я отличающееся* от всех других собратных мне существ не есть *то я, что было*; а хотя бы *я нынешнее то же я было*, которое было в предрождественном состоянии; но что в том мне пользы? Нет тождественности души в двух состояниях, то есть в нынешнем и предрождественном; не все ли равно, что она не существовала до зачатия или рождения.

(3) Нельзя ли сказать: несть тождественности души в рожденном ее состоянии и по смерти; ибо душа есть сила, действующая органом, а орган разрушится. Душа, лишенная воспоминания воплощенного ее состояния, будет особенна, будет высшее существо, потому что напоминания лишение лишит ее всего, что нас терзает: она будет *я*. Итак, соединится ли она со своим началом или пребудет особенна, но будет высшее существо.

Первое, что бросается в глаза, это то, что автор использует местоимение *я* в целом ряде не свойственных ему до тех пор определительных сочетаний, в которых *я* употребляется как существительное и согласуется с определением в среднем роде:

1. «указательное местоимение + я» *сие ... я; то я, что было*
2. «прилагательное + я» *я настоящее; я нынешнее*
3. «причастие + я» *столь чувствуемое я; я отличающееся от всех ... существ.*

О семантике такого субстантивного *я* можно судить прежде всего по его сочетаемости и контекстным связям: «я» можно чувствовать (столь чувствуемое *я*), оно существует во времени (*я настоящее, я нынешнее, то я, что было*), оно индивидуально (*я отличающееся от*

¹ Настоящая статья была написана в рамках проекта „Person’ und ‘Subjekt’ im deutsch-russischen Kulturtransfer: Untersuchungen zum Begriffsfeld der ‘Personalität’ in interkultureller Perspektive“ (2005-2007 гг., Институт философии Рурского университета, Бохум, Германия), финансирующимся фондом „Volkswagenstiftung“. В соответствии с темой проекта при обсуждении генезиса субстантивного *я* меня в особенности интересовали его немецкие источники. За ценные замечания при обсуждении статьи в рукописи я признательна Г. Кайперту и А. Птенцовой.

всех обратных мне существ). Кроме того, в приведенных контекстах *я* связано по смыслу с такими понятиями как *бытие наше, наша единственность* (1); *человек, существо, душа* (понимаемая в духе рационалистической философии как «мыслящее существо») (2), *высшее существо* (3) – все они образуют у Радищева синонимический ряд к *я*. Наконец, косвенным образом о содержании понятия «я» можно судить по некоторым контекстам второй книги трактата, в которых вместо *я* Радищев в сходной функции использует местоимение *ты*, сближая его, в свою очередь, с понятиями *человек, особенность* (ср. *единственность*), *личность* ‘личные особенности’, *душа*:

Если по смерти твоей память не будет души твоея свойство, то можно ли назвать тебя тем же человеком, который был в жизни? [...] Памяти престол есть мозг; все ее действия зависят от него, и от него единственно; мозг есть вещественность, тело гниет, разрушается. Где же будет память твоя? Где *будет прежний ты*, где твоя особенность, где личность? Верь, по смерти все для тебя минуется, и душа твоя исчезнет.

Любопытно, что уже здесь *я* сопряжено по смыслу с термином *личность*, который впоследствии выдвинется в центр семантического поля человеческой индивидуальности. При этом *личность* у Радищева используется в старом значении ‘индивидуальные особенности’, в то время как существительное *я*, сохраняющее тесную связь с *я*-местоимением, скорее несет в себе смысл ‘носитель индивидуальных особенностей’. Если это так, то дальнейшее развитие двух этих терминов было симметричным друг другу: если слово *личность* развивалось от значения ‘индивидуальные свойства’ к значению ‘человек как носитель индивидуальных свойств’, то для *я* путь был противоположным – от указания на человека в его индивидуальности к называнию совокупности (личных) свойств.

У Н.М. Карамзина знакомство с немецкой *ich*-терминологией обнаруживается в «Письмах русского путешественника» (1790-1801). Приводя выписку из письма к нему И. Лафатера, автор снабжает ее следующим переводом:

Глаз, по своему образованию, не может смотреть на себя без зеркала. *Мы* видим себя только в других предметах (*unser Ich siehet sich nur im Du*).

Карамзин переводит свободно: вместо теоретически возможного *наше Я он использует привычное *мы*, вместо **в Ты – в других предметах*². В то же время в своих немецких письмах Лафатеру Карамзин без колебаний пользуется терминологией своего корреспондента:

² Позднейшее словоупотребление не испытывает здесь никаких затруднений. Та же самая цитата из письма Лафатера в переводе современных исследователей звучит следующим образом: «Глаз наш не так устроен, чтобы видеть себя без зеркала, – а *наше “я”* видит себя только в другом “ты”» (Лютман, Успенский 1984, 530). Характерно, далее, что эта цитата приводится в контексте рассуждения о личности Карамзина как объединяющем начале «Писем».

Ich bin, und *mein Ich* ist für mich ein Räthsel, das ich nicht auflösen kann (письмо от 25 июля 1787 г. – Карамзин 1893).

Языковые позиции Карамзина и Радищева, противостоявшие друг другу в целом ряде отношений, оказываются, как можно видеть, различными и в отношении употребления субстантивного *я*. Для архаизированной языковой манеры Радищева необычное *я*-существительное, по крайней мере, в ученом трактате оказывается вполне приемлемым, в то время как Карамзин, по крайней мере в письме, предпочитает обойтись привычным местоимением.

Появление *я*: немецкие импульсы

XVIII век не создал традиции употребления *я* как философского термина. Трактат Радищева, в котором *я*-существительное появилось впервые, не был завершен и не получил распространения. В первой трети XIX в. субстантивное *я* заново появляется в русском культурном обиходе в процессе усвоения идей современной немецкой философии, прежде всего, И. Фихте и Ф. Шеллинга. Тон этой традиции задают авторы и переводчики, которым сочинения немецких философов знакомы в оригинале. При переводе соответствующей терминологии создаются основные модели употребления *я*, которые во второй половине века войдут в общелитературный язык. Прежде чем обратиться к этим моделям, необходимо кратко сказать об узусе немецких аналогов субстантивному *я* в XVIII – начале XIX века.

Ближайшее соответствие русскому *я* составляют в эту эпоху термины *Ich* и *Selbst*. Субстантивное *Ich* известно уже в средневековых текстах, в которых употребляется аналогично лат. *alter ego* в отношении друга или возлюбленного/-ой. По форме и смыслу оно тесно связано с собственно местоимением *Ich*. У ряда авторов XVII – нач. XIX в. субстантивное *Ich* может сохранять формы словоизменения, варьирующие, однако, с формой, тождественной исходной: в единственном числе – В. *michel/ich*, Д. *ichel/ich*, Р. *ichs/ich*; во множественном числе *ichs/iche*. Наряду с основной формой среднего рода иногда используется форма мужского рода, ориентированная на лат. *alter ego*, *ille ego* и близкие им выражения.

Субстантивное *ich* встречается в двух основных видах словосочетаний:

- «притяжат. мест. + *ich*» *mein, dein Ich*,
- «прилагат. + *ich*» *anderes, besseres, mächtiges, zweites Ich*.

Возможна также комбинация двух этих моделей: «притяжат. мест. + прилагат. + *ich*» *mein tiefstes Ich* (А. фон Платен).

Что касается семантики субстантивного *ich*, то в словаре Гриммов (DW 10, 2030-2031) выделяется, по сути, четыре основных типа его употребления, каждый из которых представлен рядом характерных словосочетаний:

1. 'für einzelwesen, individuum, person überhaupt' (*ein Ich vs anderes Ich, das eine Ich vs ein zweites Ich, ein Ich werden* – о друзьях, возлюбленных, ср. лат. *alter ego*);
2. 'das vernünftige im menschen im gegensatz zu dingen und zum körperlichen überhaupt' (*das gute, mächtige, bessere Ich*);
3. 'wesen, geistige eigenthümlichkeit des einzelnen bezeichnend' (*hohles, leeres, tätiges, produktives, selbstzufriedenes, mein tiefstes Ich*);
4. (термин философии Фихте) 'als die ewige allgemeine vernunft dem nicht-ich, der sinnen- und körperwelt entgegengesetzt'.

Для философской традиции определяющую роль сыграло словоупотребление Фихте, в системе идей которого терминам *Ich* и *nicht-Ich* отводится центральная роль (примеры отсылок к Фихте, в том числе сатирических, см. DW 10, 2031). Кроме Фихте, термином *Ich* пользуются Лафатер, Гете, Гегель, Шеллинг.

Синонимом и конкурентом *Ich* с начала XVIII в. начинает выступать субстантивное *Selbst*. Стремительное распространение оно получило, по свидетельству словаря Гриммов (DW 16, 451), к концу века у Гердера, Канта, Клопштока, Лессинга, Гаманна, Морица, Виланда и, далее, у Гете, Шиллера и романтиков. Роль стимула сыграло при этом, как указывает С.С. Гогоцкий (1873, 297), словоупотребление Канта. Источником такого употребления стало англ. *self* 'сознающая себя личность' ('das seiner selbst bewusste Ich') как термин религиозной морали (Drosdowski 1997, 667). В языке предшествующей эпохи вместо субстантивного *Selbst* употреблялись существительные *Selbstheit* или *Selbstschaft*.

Сочетаемость субстантивного *Selbst* описывается в словаре Гриммов теми же двумя моделями, что и сочетаемость субстантивного *Ich* (см. выше). Типы контекстов, в которых могут выступать эти термины, также сходны. Впрочем, слово *Selbst*, как будто, в большей мере связывается с представлением об индивидуальности отдельного человека³. Распределение двух этих синонимов у разных авторов различно. Одни (Кант) предпочитают *Selbst*, другие (Фихте) – *Ich*, третьи (Гете) пользуются обоими терминами.

Возвращаясь к русскому узусу, приходится говорить прежде всего о словоупотреблении в философских контекстах. В своем комментарии „История философских систем, по иностранным руководствам составленная и изданная...“ (1819) А. Галич, стремясь передать терминологию Фихте, создает ряд калек с немецких *Ich*-сочетаний⁴:

³ По наблюдению авторов словаря, *mein Selbst* 'мое «я»' (ср. англ. *myself / my self*) воспринималось как эмфатическая парафраза *ich selbst* 'я сам', позволявшая отчетливее выделить смысл 'существо' (DW 16, 452). Как и *mein zweites Ich, zweites Selbst* может относиться к человеку особенно близкому и сходному с говорящим в чем-то существенном (другу, любимому, -ой), однако *mein Selbst* употребляется, кроме того, в отношении ребенка как «другого я» (DW 16, 453-454).

⁴ За предоставление копии этого источника я благодарю Н. Плотникова.

- „притяжательное местоимение + я“ (*в нашем Я, твоё Я, своему не Я*)
- „прилагательное + я“ (*в обыкновенном Я, а не в чистом и безусловном; чистое Я; низшее или эмпирическое Я; опытного Я или человеческого сознания; бытие творческого Я; теоретическое Я; практическое Я*)
- «действительное причастие + я» (*мыслящее наше Я*)
- „я + глагол 3-го лица“: *Я безусловно утверждает себя в бытии и существует только чрез самопоставление; Наше Я безусловно противопоставляет себе не Я* (Галич 1819, 226, 227).

В то же время у Галича сохраняется сочетание *я* с глаголом 1-го лица, характерное для *я*-местоимения: *Я отнюдь есмь* (там же, 226). Таким образом, в зависимости от сочетаемости *я* может быть понято как существительное (с формой 3-го лица) или как местоимение (с формой 1-го лица). Четкой границы здесь нет. Соответственно, выделение *я* у Галича с помощью прописной буквы (*Я*) может быть интерпретировано как графическое средство субстантивации или эмфазы. В отношении написаний с прописной или строчной буквы в тогдашнем русском правописании не было единства. Кроме собственных имен, с прописной буквы нередко писались и нарицательные существительные, однако, не все, а только такие, которым придавалась определенная важность, в частности, абстрактные понятия. Правил здесь не было, а узус был пестрым. Графика Галича не только ставит *Я* в ряд существительных и/или указывает на эмфатическое выделение *Я* в качестве абстрактного понятия, но и напоминает о немецком образце (*Ich*). Такое графическое оформление субстантивного *я* пережило свою эпоху и до сих пор используется наряду с двумя другими способами его выделения – с помощью кавычек („я“) и курсива (*я*).

Содержание понятия *я* оставляет в изложении Галича известное пространство для интерпретаций. В прямой дефиниции *я* отождествляется с сознанием: *То, что мы называем Я, есть = сознание*. Однако вне условий дефиниции оно сопоставляется с понятиями *наше лице* и *божественная идея*: *Основание философии не есть наше лице или Я, а божественная идея* (там же, 230, 241).

Другим источником *я*-терминологии была для русской публики философия Шеллинга. Одним из свидетельств ее непосредственного воздействия на употребление *я*-существительного является «Дневник» В.К. Кюхельбекера (1835). Читая Шеллинга, Кюхельбекер обдумывает мысли и терминологию философа, и эта рефлексия сопровождается переводом «для себя». Возникают такие сочетания, как *бесконечное я, вечное я, мое я, самобытное я, собственное я*.

На 1830-е – 40-е гг. приходится период активного усвоения немецкой *Ich*-терминологии в русских философских кружках Н. Станкевича и М. Бакунина. Здесь используются такие сочетания, как *всеобщее я, единичное я, индивидуальное я, мое я, непосредственное я, объективное я, отвлеченное я, себя сознающее я, субъективное я, судящее я, трансцендентальное я, я-я, я другого человека*. О том, насколько заметную роль *я*-терминология играла в языке русских шелленгианцев 1840-х гг.,

можно судить по (авто)ироничной реплике А. Григорьева в его книге «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862):

Есть у меня приятель, которого и ты знаешь, человек поколения, так сказать, среднего между трансценденталистами и нигилистами <...>. Он принимался читать «Систему трансцендентального идеализма» Шеллинга с решимостью «проштудировать» его основательно для доставления себе определенных понятий об этом хотя и отжившем, но все-таки важном в истории мышления философском учении. Ну, как тебе известно, отжившее учение сразу ошарашивает человека по лбу известного рода распутием, потребностью – вывести или все мироздание из законов *сознающего я*, или *сознающее я* из общих законов мироздания. <...> Усердно штудировал и пристально читал мой приятель, с тем же усердием и пристальностью, с какими одолевал он «психологические скилцы» и другие умственные мастурбации Бенеке. Начал он уж переваривать и тот процесс, в котором *из нашего непосредственного*, так сказать, *объективного*, еще *слитого с предметом познания я* выделяется *я сознающее*, в котором из этого *сознающего внешнего предмет я* выделяется еще *я*, которое уже подымается вверх над *сознающим внешние предметы я* – и в некотором роде судит это самое, *сознающее внешние предметы я*, в котором, наконец [...] Но тут мой крайне осторожный, рассудительный и весьма не пренебрегающий жизненным комфортом приятель схватился в пору, догадался, что соприкоснулся сфере, в которой начинается поворот головою вниз, что из этого *судящего я*, производящего суд и расправу, по каким-либо признанным правилам выделится еще, пожалуй, после многих выделений, уже *такое я*, которое никаких правил, кроме тождества с мировую жизнью, знать не захочет, *я трансцендентальное*, весьма опасное и безнравственное. И благоразумный приятель мой закрыл злодурную книгу (Григорьев 1988, 42).

Выступая в роли русского Жан-Поля (который, как известно, бесконечно издевался над *Ich*-терминологией Фихте), Григорьев в глазах своих критиков оставался связанным с традициями русских последователей немецкого идеализма. В пародии Козьмы Прутков «Безвыходное положение. Г-ну Аполлону Григорьеву, по поводу статей его в «Москвитянине» 1850-х годов», содержащей целый словарь характерных для языка Григорьева выражений, наряду со словами *душа*, *личность*, *индивидуальность*, *характер* появляется и сочетание *внутреннее Я* (ср. нем. *inneres Selbst*):

Я отстранил и фальшь и даже форсировку / И долго изучал без устали, с упорством / Свое, в изгибах разных, *внутреннее «Я»* (Козьма Прутков 1955, 54).

Параллельно с философией усвоение немецкой *Ich*- и *Selbst*-терминологии шло в психологии. Не случайно в приведенной цитате из автобиографии Григорьева рядом с Шеллингом упоминается и О. Бенеке. Характерен в этом смысле синтез идей Фихте и В. Гумбольдта (в интерпретации Г. Штейнталя) у лингвиста так называемого психологического направления А.А. Поттебни. В своей книге «Мысль и язык» (1862) Поттебня пользуется такими терминами, как

его я, свое я, самое я, я сознающее / самосознающее / сознаваемое, чистое я, эмпирическое я, я / не я.

Несколько замечаний в отношении употребления существительного *я* в последнее время. Заметный прилив «я»-терминологии произошел в начале 1990-х гг. Массовое увлечение психологией, бурная переводческая деятельность в этой области (где *я* служит эквивалентом не только нем. *Ich* и *Selbst*, но и англ. *self*, *Me*, *I*) высокая частотность употребления «я»-терминологии в интернете – все это свидетельства того, что популярность субстантивного *я* за два последних десятилетия лавинообразно выросла. Сфера его употребления меняется. До сих пор существительное *я* было инструментом гуманитарной рефлексии (в философских текстах, литературной критике, мемуарах, дневниках), значительно реже его можно было встретить в беллетристике, причем, как правило, не в авторской речи, а в речи персонажа. Современная проза с большей легкостью допускает субстантивное *я* и в авторскую (нейтральную) речь (так, в частности, у Л. Улицкой). Очевидно, что *я* сдвинулось с привычного места в стилистической системе русского языка. Но в движение пришла и сама эта система, поэтому делать какие-либо выводы о статусе в ней *я* пока рано.

Я-существительное и *я*-местоимение: смешанные контексты

С появлением новых сочетаний, о которых шла речь в предыдущем разделе, субстантивное *я* оказывается противопоставленным местоименному, для которого ни сочетания с притяжательным местоимением, ни согласование в среднем роде, ни употребление с формой 3-го лица глагола не характерны. Кроме того, существительное *я* отличается от местоимения *я* графическим оформлением: оно пишется с прописной буквы, курсивом, заключается в кавычки или выделяется с помощью комбинации этих способов. Вместе с тем вне этих грамматических и графических условий граница между *я*-существительным и *я*-местоимением может стираться, например, если *я* употреблено изолированно:

В. Розанов. Опавшие листья. Короб второй. 1912.

Смысл – не в Вечном; смысл в Мгновениях. Мгновения-то и вечны, а Вечное – только «обстановка» для них. Квартира для жильца. Мгновение – жилец, мгновение – «я», Солнце.

Между тем все статьи обо мне начинаются определениями: «демонизм в Р[озанове]». И ищут, ищут. Я читаю: просто – ничего не понимаю. «Это – не я». Впечатление до такой степени чужое, что даже странно, что пестрит моя фамилия.

Для понимания смысла *я* такие контексты недостаточно информативны и истолкование их затруднено.

Весь массив контекстов XIX – XX вв., в которых участвует *я*, можно разместить между двумя полюсами – местоименным и субстан-

тивным. Соответственно, между собственно местоименными контекстами (допускающими только конструкции, характерные для *я*-местоимения, например, «*я* + 1-е лицо глагола») и собственно субстантивными (допускающими только конструкции, характерные для *я*-существительного, например, «*я* + 3-е лицо глагола»), выделяется промежуточная область – контексты смешанного характера, в которых местоименные и субстантивные употребления *я* соседствуют и взаимодействуют друг с другом. Таких контекстов немало. Для их понимания нужно иметь в виду, что субстантивное *я* – несклоняемое существительное среднего рода – в свою очередь, может употребляться в трех основных смыслах:

1. ‘буква’ (*Я – последняя буква в алфавите*)
2. ‘слово’, ‘местоимение’ (*Взять хотя бы слово «я»*)
3. личное начало (*Я человека есть психофизический деятель*)

Под рубрикой «личное начало» здесь условно объединяются употребления *я* в том значении, которое в словарях описывается как ‘индивидуум’, ‘личность’, ‘субъект’, ‘сознание своей сущности’ и под. – подробнее о семантике такого *я* говорится в следующем разделе.

Бывает, что различные смыслы *я* соотнесены друг с другом метафорически:

Н.А. Некрасов. «Чуть-чуть не говоря: «ты суцая ничтожность!»...». 1855
 Чуть-чуть не говоря: «ты суцая ничтожность!» / Стихов моих печатный судия / Советует большую осторожность / В употребленьи буквы «я».

На метафоре построена и известная поговорка «*Я* – последняя буква в алфавите / алфавита, которую обычно используют тогда, когда хотят указать на неуместность речи о себе самом. У В. Набокова, напротив, способ написания последней буквы русского алфавита может служить характеристикой героя, как если бы индивидуальный почерк в букве «я» был образом человеческого «я»:

Дар. 1938.

Подделка почерка совершенно очевидна: в начале она еще старательна, но потом фальсификатору работа как бы надоела, и он торопится кончить: взять хотя бы слово “я”, которое в подлинных рукописях Чернышевского кончается отводной чертой прямой и твердой, – даже слегка загибающейся в правую сторону, – а тут, в подложном письме, эта черта с какой-то странной лихостью загибается влево, к голове, словно буква козыряет.

В некоторых случаях контекст помогает восстановить эллиптированное слово:

П.А. Вяземский. Коляска. 1826.

Нет, *я* глядит в издание новом
 Анахронизмом словаря.

[...]

Мы, выжив *я* из человека,
 Есть слово нынешнего века.

В других случаях подсказки нет:

Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы. 1883.

Мне случалось встречать много очень маленьких людей, которые вечно ко всем пристают *со своим «я»*, – это очень скучная и глупая история.

О.Э. Манделъштам. «Отчего душа так певуча...». 1911.

И, несозданный мир лелея,
Я забыл *ненужное «я»*.

А. Битов. В поисках утраченного Я. 1962.

Как человек начинает говорить, я наблюдал уже на собственных детях. Когда, после «мама-папа-баба», они начинали строить первые предложения, то говорили о себе в третьем лице: она упала, он хочет... Литература опережала речь. И лишь срок спустя, уже вполне развив речь, с усилием разлепив губы: Я упала, Я хочу... Изумление на лице от неожиданности *этого Я*.

Отмечу, что форму среднего рода не обязательно считать «тенью» эллиптированного существительного *слово* или *местоимение*, так как несклоняемое *я* принимает форму среднего рода и вне связи с существительным среднего рода, ср.: *Это я тут лишнее* («буква «я»»). В некоторых случаях граница между разными «я» маркируется только с помощью графики:

В. Шершеневич. Быстрь: Монологическая драма. 1915.

Слова Лирика, вероятно, говорю я сам, но не я, Вадим Шершеневич, проживающий... и т. д., а «я».

Андрей Белый. «Я». 1917.

В себе, – собой объятый
(Как мглой небытия), -
В себе самом разъятый,
Светлею светом «я».

Замечу, однако, что графические средства выделения существительного *я* не всегда надежны. Во-первых, потому, что некоторые средства (курсив, иногда кавычки) используются для эмфатического выделения местоимения *я*; курсив (или кавычки) служат при этом графическим аналогом просодических средств (ударения и интонации эмфазы); с просодической же точки зрения эмфатическое *я*-местоимение и существительное *я* не отличимы друг от друга – оба полноударны в отличие от слабоударяемого местоименного *я* в нейтральном употреблении (ср. Еськова 2003 о просодических различиях между местоименными и неместоименными употреблениями прилагательных). Во-вторых, в печатных изданиях авторская графика часто подвергается редактированию и при обследовании нуждается в проверке по рукописям.

Итак, говоря о смешанных контекстах, мы имеем в виду взаимодействие личного местоимения 1-го лица и существительного *я* в

значениях 'буква', 'слово, местоимение', 'личное начало'. Основные типы смешанных контекстов таковы.

- Субстантивное несклоняемое *я* в пределах одного (достаточно широкого) контекста может варьировать с формами косвенных падежей местоимения *я*:

И. С. Тургенев. Когда я один...: Двойник, 1879.

Уж не мой ли ты двойник? Не мое ли *прошедшее я*? Да и точно: разве между тем человеком, каким я себя помню, и *теперешним мною* — не целая бездна? <...> А вот погоди... Когда я умру, мы сольемся с тобою — мое *прежнее*, мое *теперешнее я* — и умчимся навек в область невозвратных теней.

О. Фрейденберг – Е. Лифшиц, 5 мая 1914.

Прав Декарт (он? не помню!), что жизнь это только наше представление; что жизни нет, есть «*я*» с тем, что кажется *мне* жизнью.

В. Маяковский. Облако в штанах. 1915.

И чувствую – / «*я*» / для меня *мало*. / Кто-то из *меня* вырывается упрямо.

- *Я*-существительное, лишенное привычного графического оформления и неотличимое от личного местоимения 1-го лица, используется с глаголом 3-го лица:

Л. Лосев. Песня. 1985.

На пенечке кто сидит? / *Я сидит, скучает*.

- Субстантивное *я*, выделенное графически, употребляется с глаголом 1-го лица:

К. Малевич. «Мир необъятая целостность...». 1910-е гг.

«*Я*» *иду* по пути жизни освобождая себя из смерти.

Вот один из контекстов смешанного характера:

Л.Н. Толстой. Несколько слов по поводу книги «Война и мир». 1868.

Итак, есть два рода поступков. Одни зависящие, другие не зависящие от моей воли. И ошибка, производящая противоречие, происходит только оттого, что сознание свободы, законно сопутствующее всякому поступку, относящемуся *до моего я*, до самой высшей отвлеченности моего существования, я неправильно переношу на мои поступки, совершаемые в совокупности с другими людьми и зависящие от совпадения других произволов с моим (Толстой 1963, 392).

В каком значении здесь употреблено *я*? Что такое «высшая отвлеченность ... существования»? Из приведенной части контекста это не совсем ясно. Если расширить контекст и прочитать данную цитату на фоне предыдущего рассуждения Толстого, то окажется, что «высшая отвлеченность моего существования» – это *я один*, 'отдельный человек', 'индивидуум':

Я, несомненно, могу, что бы ни говорили материалисты, совершить действие или воздержаться от него, как скоро действие это касается одного меня. *Я*, несомненно, по одной моей воле сейчас поднял и опустил руку.

Я сейчас могу перестать писать. Вы сейчас можете перестать читать. Несомненно, по одной моей воле и вне всех препятствий я сейчас мыслью перенесся в Америку или к любому математическому вопросу. Я могу, испытывая свою свободу, поднять и с силой опустить свою руку в воздухе. Я сделал это. Но подле меня стоит ребенок, я поднимаю над ним руку и с той же силой хочу опустить на ребенка. Я не могу этого сделать. На этого ребенка бросается собака, я не могу не поднять руку на собаку. Я стою во фронте и не могу не следовать за движениями полка. Я не могу в сражении не идти с своим полком в атаку и не бежать, когда все бегут вокруг меня. Я не могу, когда я стою на суде защитником обвиняемого, перестать говорить или знать то, что я буду говорить. Я не могу не мигнуть глазом против направленного в глаз удара (там же, 391).

Примеры действий, которые «касаются одного меня» – это поднять и опустить руку, перестать писать, подумать о чем-либо. Этим действиям противостоят другие, которые касаются, кроме меня, других людей, или меня в связи с другими людьми и имеют тем самым этическое или моральное измерение. Характерно, что почти все предложения в приведенном рассуждении начинаются с личного местоимения *я*. Как рассуждение (вторая цитата) связано с выводом (первая цитата), так личное местоимение *я* связано по смыслу с субстантивным *я*: *поступку, относящемуся до моего я* из первой цитаты соответствует во второй цитате *действие, которое касается одного меня*. Таким образом, *до моего я* служит перифразой *одного меня*. Форма косвенного падежа (Р. *до моего я*) не позволяет определить, какого рода это субстантивное *я* – мужского или среднего. С функционально-стилистической точки зрения субстантивное *я* Толстой безусловно относит к сфере отвлеченного рассуждения. Показательно, что субстантивное *я*, ни разу не встретившееся в самом романе «Война и мир», появилось в металитературном тексте, каковы процитированные здесь «Несколько слов по поводу романа...».

Способность *я* балансировать на грани местоимения и существительного может использоваться в деструктивных практиках письма или служить целям языковой игры, как, например, в следующем случае:

Э. Лимонов. «Я был веселая фигура...». 1975.

Зато я никому не должен / никто поутру не кричит / и в два часа и в пол-другого / зайдет ли кто *а я лежит*.

(к этому тексту отсылает следующий фрагмент из «Поэмы» Вс. Некрасова: «собака лает / когда-то будет / контора пишет / бумага терпит / чем черт не шутит / Лимонов скажет / а я молчит / пусть Пушкин пишет / Пушкин / все спит»). *Я* может быть понято здесь как личное местоимение, после которого происходит смена перспективы: вместо ожидаемой формы 1-го лица глагола следует форма 3-го лица, что дает возможность избежать прямой речи «от себя» и сказать о себе со стороны. В результате такого «остранения» *я* воспри-

нимается как существительное. Многозначность *я* поддерживается графикой – отсутствием знаков препинания и заглавных букв.

Существительное *я*: сочетаемость и семантика

Речь пойдет о том типе употребления существительного *я*, для которого в качестве рабочего было принято определение ‘личное начало’. К середине XIX в. были созданы основные модели употребления *я*, сохраняющие актуальность до настоящего времени. Имеются в виду следующие конструкции:

- «счетное слово + *я*» (*два я*)
О. Фрейденберг – Е. Лифшиц, 5 мая 1914.
Итак, Декарт сказал, что есть *одно «я»*, а мы скажем, есть *два «я»*: мое и твое. Больше ничего нет.
- «непритяжательное местоимение + *я*» (*все я*)
Б.Ф. Егоров. Григорьев Аполлон Александрович. 1992.
Самое «я» в «скитальчествах» [Григорьева – М.Б.] сознательно дегероизировано, тогда как в «думах» [Герцена – М.Б.] ему уготован статус положит<ельного> героя эпохи.
- «притяжательное местоимение + *я*» (*мое я*)
А.А. Потебня. Мысль и язык. 1862.
На первых порах для ребенка еще все – свое, еще все – *его я*, хотя именно потому, что он не знает еще внутреннего и внешнего, можно сказать и наоборот, что для него вовсе нет *своего я*.
- «*я* + Р. п.» (*я субъекта*)
В.М. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. 1898-1925.
Мы могли бы отождествить эту форму воздействия на нас окружающих условий с формой пассивного восприятия, происходящего без всякого участия *«я» субъекта*.
- «прилагательное + *я*» (*личное я*)
В.П. Боткин. Стихотворения А.А. Фета. 1856.
Прежде всяких требований современности существует *личное я*.
- «причастие + *я*» (*самосознающее я*)
А. Белый. Петербург. 1916-1928.
Сам метущийся обитатель сих плачевных пространств, на которого о н и нападали, который от н и х убежал, было *самосознающее «Я»*, тяжеловлекущее от себя отпавшие органы.
- «*я* + прошедшее время ср. р.» (*я воспротивилась*)
Б. Левин. Иностранное тело. 1965-1994.
И вот этому последнему неписанному коду поведения наше внутреннее *«я»* решительно *воспротивилась*.
- «*я* + 3-е лицо глагола» (*я утверждает себя*)
А. Галич. История философских систем. 1819.
Я безусловно *утверждает себя* в бытии и *существует* токмо чрез самопоставление.

- «несклоняемое я в позиции косвенных падежей» (*различать я от я*)
С.Д. Кржижановский. Московские вывески. 1924.

Несомненно, фотографу удалось открыть основной принцип быта: все индивидуальное, различающее «я» от «я», в практике и догме быта лишь приставляется и примысливается к готовым, общим на всех, стылым формам: либо под обруч, либо на колодку.

Во всех этих случаях я отделяется от говорящего, превращаясь в объект рефлексии. Характерными сигналами такого превращения становятся поссессивная конструкция (типа *мое я* или *я субъекта*), 3-е лицо глагола (*я существует*), средний род (*одно я*). Чаще всего существительное я используется в атрибутивной конструкции, где в роли определения к я выступает притяжательное местоимение, прилагательное или (реже) причастие. В обследованных текстах и в справочниках⁵ (Зотов, Толль, III, 1144; Гогоцкий 1873, 295-301; Гогоцкий 1876, 141; Березин 1879, 440; Гарбель, Гранат 1899, 5323; Филиппов 1901, 4171; Андреевский 1904, 465-472; Радлов 1911, 281; Радлов 1913, 691) встретились сочетания с прилагательными *абсолютное, авторское, безымянное, бесконечное, божественное, бытовое, вечное, внутреннее, вне-временное, временное, всеобщее, всечеловеческое, данное, деятельное, деятельностьное, другое, духовное, единичное, единое, живое, животное, земное, индивидуальное, исключительное, калейдоскопическое, коллективное, коммуникативное, конкретное, лирическое, личное, маленькое, материальное, мировое, напряженное, народное, настоящее, национальное, неколебимое, общее, общечеловеческое, объективное, огромное, особенное, отвлеченное, отдельное, пагубное, первичное, первоначальное, первообразное, племенное, поэтическое, практическое, природное, профессиональное, психическое, различные, разрозненные, распыленное, растерзанное, рефлексивное, самобытное, самозначимое, самолюбивое, свободное, семейное, склизкое, сновидческое, собирательное, сознательное, сокровенное, социальное, среднее, субъективное, сущностное, тварное, творческое, тождественное, тщеславное, улюбочное, (ни в чем) не уверенное, умственное, феноменальное, физическое, холодное, цельное, человеческое, честолубивое, чистое, чужое, эмпирическое, языковое. Некоторые из этих сочетаний стали в русском языке устойчивыми (*авторское я, внутреннее я, творческое я, человеческое я*). История едва ли не каждого из них заслуживает специального исследования (о сочетании *внутреннее я* см.: Бобрик 2007, немецкая версия: Bobrik 2008).*

В атрибутивных сочетаниях с я возможна вариация форм среднего и мужского рода (*мое я / мой я, второй я / второе я*). Определенную роль при выборе формы играет ориентация на одну из двух иноязычных моделей – французскую (*le toi*) или немецкую (*das Ich*). Форму мужского рода можно встретить, например, у П.А. Вяземского:

⁵ Благодарю Н. Плотникова за предоставление копий из справочников.

П.А. Вяземский. На прощанье. 1855.

Когда мой ум в халате, сердце дома, / Я кое-как могу с собою ладить, /
Отыскивать себя в себе самом / И быть не тем, во что нарядит случай, /
Но чем могу и чем хочу я быть. / *Мой я* один здесь цел и ненарушим, /
А там мы два разрозненные я.

П.А. Вяземский. Коляска (Вместо предисловия). 1826.

По мне, ошибкой моралисты
Твердят, что люди эгоисты.
Где эгоизм? Кто *полный я*?
Кто не в долгу пред этим словом?

Согласование в среднем роде, напротив, оказывается естественным для В.К. Кюхельбекера, ориентировавшегося на немецкую культурно-языковую традицию:

В.К. Кюхельбекер. Дневник. 1835.

Однако что такое *Я*, если *оно* не есть ощущение своей личности, познание своего бытия, уверенность в своем существовании; а это ощущение, познание или уверенность что же, когда не самопознание?

Однако выбор той или иной модели обусловлен в конечном счете потребностью выразить определенный смысл. У Вяземского рефлексия означает «отыскивать себя в себе самом». Тавтологичность этого определения заставляет думать о некоем внутреннем человеке того же пола, что и говорящий, на что и указывает форма мужского рода. У Кюхельбекера иначе: «я» определяется здесь через «ощущение своей личности», которое, в свою очередь, отождествляется с самопознанием. Абстрактности «я» в таком понимании отвечает форма среднего рода.

Аналогичную взаимосвязь семантики *я* с формой рода при согласовании можно наблюдать на примере употребления русских переводов латинского сочетания *alter ego*. Предшественником русского выражения было церковнославянское *второй аз*. Ранний пример его употребления встретился в переводе с польского *drugi ja* (< лат. *alter ego*) в книге «Апоффегмата то есть кратких, витиеватых и нравоучительных речей книги три» (1716) (СРЯ XVIII в., 30). В русском языке XVIII - нач. XX в. латинскому выражению *alter ego* (которое часто используется без перевода) соответствует *другой я*, как, к примеру, в стихах В.Л. Пушкина о брате Сергее Львовиче: «Душами сходствуем: он - точно *я другой*» (цит. по: Вяземский 1963, 139). В тех случаях, когда латинское сочетание оставляется без перевода, определение к нему согласуется в роде с реальным полом подразумеваемого лица, обычно мужским: «Этот *alter ego* Белинского вспоминает “золотые годы своего детства”» (Иванов-Разумник, IX; если бы речь шла о даме, возможна была бы фраза *Эта alter ego Белинского...*). Такое упо-

требление сохраняет грамматику и смысл латинского оригинала⁶. Позднее, однако, сочетание *другой я* было переосмыслено в духе атрибутивных сочетаний с существительным *я* (типа *мое я*, *внутреннее я* и под.) и начинает употребляться с согласованием в среднем роде: (*его*) *другое я* / *другое (его) я*. Так, в частности, в латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого (1949), к моменту публикации которого уже успело выйти два издания толкового словаря под редакцией Д.Н. Ушакова (1935-40; 1947-48), где за *я* впервые в русской лексикографии признается значение «сознаваемой человеком собственной сущности, самого себя в окружающем мире, как личности», «(в идеалистической философии) субъекта». В этом духе интерпретируется у Ушакова (IV, 1450) и *alter ego*, а среди примеров фигурирует *Мое второе «я», другое «я» [перевод латин. alter ego]*. Семантика *alter ego* при этом смещается в переводе по сравнению с латинским образцом. Авторитет словарей (ср., в частности, Бабкин, Шендецов 1981, 72; Ожегов-Шведова 1992, 951) способствовал, можно думать, закреплению варианта *другое/второе я* в современном русском языке.

Выбор между формами мужского и среднего рода при согласовании был возможен только в прямых падежах (именительном и винительном), так как в косвенных падежах эти две модели согласования не противопоставлены друг другу. Конкуренция двух форм в русском языке была недолгой и, как и в немецком, окончилась победой среднего рода. Одновременно форма мужского рода при согласовании *я* с местоимениями и прилагательными стала диагностическим признаком для различения *я*-местоимения и *я*-существительного. Правило такое: если согласование в среднем роде – перед нами *я*-существительное, согласование в мужском роде (в нижеследующем примере *настоящий я*) – речь идет о *я*-местоимении (проверка: возможна ли также форма женского рода *настоящая я*):

М.Л. Гаспаров. Записи и выписки. 2001.

Возвращаясь домой по переулкам, от фонаря к фонарю, я вдруг понимаю: вот сейчас я вспоминаю Жюль Верна, а на прошлом углу я думал о чем-то другом, уже не помню о чем, но мысль не прерывалась; наверное, если ее всю, от утра до вечера, вытянуть и записать, то это и буду *настоящий я*, а остальное неважно.

Значение *я* становится предметом рефлексии начиная со 2-й пол. XIX в., когда субстантивное *я* проникает в метатекст языковых словарей. Так, в немецко-русской части словаря И. Павловского, впервые изданной в 1856 г. (последующие издания в названный период: 1867, 1888, 1900 и 1902), нем. *Selbstwahrnehmung* переводится как «ясное понятие души о самой себе, о своем «я»» (Павловский 1902, 1179). Близкое определение *я* можно найти в современных словарях спра-

⁶ Значение, которое вкладывали в выражение *alter ego* античные авторы (говоря, как правило, о дружбе двух людей), видно из синонимичного ему сочетания *alter idem* 'другой такой же'.

вочниках. Так, в «Настольном словаре для справок по разным отраслям знания» под редакцией В. Зотова и Ф. Толля (III, 1144) для *я* приводится следующая дефиниция: «В философии имеет значение души, сознающей самую себя, существа чувствующаго, знающаго, желающаго».

Объектом собственно лингвистического описания субстантивное *я* становится сначала в двуязычных немецко-русских словарях (Павловский 1902), а с 1930-х гг. в толковых словарях русского языка. Значение существительного *я* получает в словарях следующие формулировки:

- '(собственная) личность' (Павловский 1902)
- 'индивидуум, личность' (Ожегов, Шведова)
- '(в философии) субъект' (Ушаков, БАС, МАС, БТС)
- 'самосознание' (Ожегов, Шведова – косвенно: сочетание *расстройств* «я» поясняется как «общее название нек-рых психических заболеваний, связанных с нарушением самосознания» и снабжается пометой «специальное»).
- 'сознаваемая человеком собственная сущность' (Ушаков, БАС, МАС, БТС)
- 'сознающая себя сущность' (Зализняк)
- 'обозначение самого себя в окружающем мире как личности' (Ушаков)
- 'обозначение самого себя как личности, индивидуума' (БАС)
- 'человек в противопоставлении окружающей среде' (БАС)
- 'обозначение самого себя в окружающем мире' (МАС)
- 'человек как осознаваемая самим собой личность' (РТС)

Материал обследованных словарей позволяет говорить об определенной традиции представления субстантивного *я*, сложившейся в русской лексикографии начиная с первой его фиксации в толковом словаре под редакцией Ушакова (IV, 1449-1450). Для этой традиции характерно следующее:

- субстантивное *я* включается в статью о личном местоимении первого лица
- субстантивные употребления *я* в значениях 'буква', 'слово', 'местоимение' или не упоминаются вовсе, или рассматриваются в отдельной словарной статье как омонимы *я* 'самосознающая сущность'
- значения субстантивного *я* в большинстве словарей: 1) 'осознаваемая человеком собственная сущность'; 2) 'субъект' в философском смысле
- в качестве метаязыка дефиниции субстантивного *я* используется язык философии, поэтому словарные дефиниции неизбежно отражают актуальную для автора словарной статьи определенную философскую традицию понимания «я»

- в русских толковых словарях утвердилось представление о «я» как самосознающей сущности, или индивидуальном самосознании.

Картина употребления существительного *я* оказывается, однако, значительно сложнее. О том, какие представления носители языка связывают с *я*, можно судить прежде всего по контекстным связям этого слова.

- *Я* имеет содержание, форму, сущность.

А. Белый. Петербург. 1916-1928.

Ничего не осталось ...; не осталось даже *содержания «я»* Николая Аполлоновича, ни даже *формы этого «я»* в образе мирового вместилища, или просто чулана (что – то же).

В.В. Вересаев. Аполлон и Дионис. 1914.

«Религия Диониса – религия мистическая, – говорит Вячеслав Иванов, – и душа мистики есть обожествление человека, через благодатное ли приближение божества к человеческой душе, доходящее до полного их слияния, или через внутреннее прозрение на истинную и непреходящую *сущность «я»*».

- *Я* находится внутри, в сердцевине.

А.А. Потебня. Мысль и язык. 1862.

На первых порах для ребенка еще все – свое, еще все – его *я*, хотя именно потому, что он *не знает еще внутреннего и внешнего*, можно сказать и наоборот, что для него вовсе нет своего *я*.

В. Ерофеев. Энциклопедия русской души. 1999.

Возможно также, что в смущении выразилось мое сущностное "я", гораздо более *глубинное залегание* неведения о нормативах людского общественного, о моей креативной прохладе, нежели я ранее обо всем этом по-дозревал.

Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света. 2000.

И мое маленькое *Я в сердцевине* зыбкого тела все скорчилось от муки страха.

внутреннее я

А.Н. Радищев. Опыт о человеке. 1792-1796.

А хотя бы кто еще и хотел назвать душу вещественною, то сие будет напрасное слово: вещь сама в себе, и то, что составляет мысль, что особенность каждого из нас составляет, наше *внутреннее я* пребудет ни сила магнитная, ни сила электрическая, ни сила притяжения, но нечто другое.

сокровенное я

В. Набоков. «Пнин» (пер. С. Ильина). 1957.

Ощущение жизни в отдельном доме и притом совершенно самостоятельной было для Пнина чем-то необычайно упоительным и поразительно утоляющим старую, усталую потребность его *сокровенного "я"*, забитую и оглушенную почти тридцатью пятью годами бездомья.

- *Я* есть вместилище.

В.К. Кюхельбекер. Дневник. 1835.

Всякий раз, когда я следовал голосу мысли, зародившейся *в глубине моего Я*, поразившей меня незапно, когда сообразовался с теми мгновенными вдохновениями, которые навевались на меня обстоятельствами, и только не терял из виду главной меты своей, – тогда успех неожиданный и непредвиденный увенчивал труд мой.

- У я есть границы

А.И. Герцен. Письма об изучении природы. 1844-1846.

Человек идет далее животных, понимая самобытную *замкнутость своего «я»* (БАС).

М.М. Пришвин. Дневники. 1914.

„Я - маленький“ есть скрупулезная работа разрушения *оболочки своего „я“*, вплоть до настоящего „я“, которое есть Я общее, мировое, народное.

С.Д. Кржижановский. Клуб убийц букв. 1926.

И все же пусть ненадолго, на скудные миги, но удалось же мне разорвать орбиту и *вышагнуть за „я“!*

Б. Хазанов. Alter ego.

Заметьте, что во сне можно пережить состояние утраты своего «я» ... Или, может быть, надо говорить об освобождении, *об избавлении из оков своего «я», этой клетки*, в которую мы заключены с тех пор, как начинаем себя сознать?

Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света. 2000.

Елене же, всему ее существу, того только и хотелось, чтобы укрыться в нем целиком, уйти в него навсегда, отдав ему и свою ущербную память, и бледное, ни в чем не уверенное Я, блуждающее в расщепленных снах и постоянно теряющее *свои неопределенные границы*.

- Я может быть единым, цельным или распадаться на части.

П.А. Вяземский. На прощанье. 1855.

Мой я один здесь *цел и ненарушим*,
А там мы *два разрозненные я*.

А. Ремизов. В розовом блеске. 1952.

Человек может вынести даже сверх своих сил, тут какой-то закон ссуды, что потом непременно взыщется. Но есть предел всякому терпению. И когда последнее, уже сверхмерное, исчерпается, тут или глухая черная пропасть или какой-то взвих и выход из себя, раздвоение, но не двойник, а над моим же *растерзанным «я»* взблеск моего властного *неколебимого «и-а» (я)*.

С.В. Шервинский. Около театра. 1980-е гг.

Я всегда верил, как верю и сейчас, что актерское духовное, творческое «я» *неделимо*.

А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца. 1988-1998.

Внутреннее *расчленение моего «я»* на множество различных, часто конфликтующих «я» стало одним из принципов моего государства.

Л. Улицкая. Люди нашего царя. 2005.

С юности делаешь титанические усилия, чтобы *собрать, сложить свое «я»* из случайных, чужих, подобранных жестов, мыслей, чувств и, кажется, вот-вот ты готов обрести полноту самого себя.

цельное я

И. Анненский. Книга отражений. 1906.

Перед абсурдом цельности в создании поэта стоит и его живое отрицание, реальность совместительства, бессознательности жизней, кем-то помещенных бок о бок *в одном призрачно-цельном я*, ужас видеть, без возможности удержать слепого за полшага от провала или, как змея подползает к спящему ребенку.

Н. Гумилев. Письма о русской поэзии. 1908-1918.

Он – *«цельное, личное, трижды-единое «я»»*.

- Каждое я индивидуально.

С.Д. Кржижановский. Московские вывески. 1924.

Несомненно, фотографу удалось открыть основной принцип быта: все *индивидуальное, различающее «я» от «я»*, в практике и догме быта лишь приставляется и примысливается к готовым, общим на всех, стылым формам: либо под обруч, либо на колодку.

Я.Э. Голосовкер. Интересное. 1956.

Старец, хотя к старости стал смиреннейшим и умалил *свое «я»* насколько возможно, в молодые годы был образованным человеком, *с особыми мнениями и суждениями*.

- Я живет.

В.М. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. 1898-1925.

С уменьшением разнообразия и интенсивности произвольных движений *жизнь индивидуального «я»* упадает, сокращается.

живое я

А. Блок – А. Белому, 22 окт. 1910.

Чтобы не заслонить света своему *живому «я»* (Ты, Ницше).

М. Мамардашвили. Картезианские размышления. 1981-1993.

Живое «я» не может отделить от себя эти слова и все вокруг себя уплотняет «языком», вбирая пространство и время в некую упакованную структуру.

- Я может расти или уменьшаться в размерах.

Л.Н. Толстой. Путь жизни. 1910.

И приходит время, когда тело стареется, слабеет, все меньшего и меньшего требует, духовное же *«я» все больше и больше растет*.

Б. Пастернак – О. Фрейденберг, 28 июля 1910.

Как я тебе сказал, у меня нет ничего, что имело бы смысл для тебя, было тебе интересным, ценным; и это потому, что слишком поразило меня твоё письмо; оно – как *до высшего тахтит'а увеличенное Я*.

- Я может формироваться, развиваться, совершенствоваться.

А. Григорьев. Русская изящная литература в 1852 году. 1853.

Такое отношение к действительности, которое измеряет ее требованиями своего *чрезмерно развившегося Я*.

Н.А. Бердяев. Автобиография. 1917.

В пятнадцатилетнем возрасте со мной произошел внутренний кризис, после которого *сформировалось мое духовное «я»*.

А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. 2003.

Статья [Сепира – М.Б.] проникнута гуманизмом, пониманием непреходящих человеческих ценностей, верой в *совершенствование духовного «я»*.

- *Я* может исчезнуть, его можно потерять и искать.

П.Д. Боборыкин. На ущербе. 1890.

Еще несколько вещей было пропето... Гремущин замер в своем темном углу. *Его «я» отсутствовало*. Он отдавался женщине и ее великой чаре – голосу.

А.Г. Достоевская. Воспоминания. 1911-1916.

Когда читали другие, слушатели *не теряли своего «я»* и так или иначе, но по-своему относились к слышанному. Даже совместное с Савиной превосходное чтение Тургенева не заставляло забываться и не уносило ввысь. А когда читал Достоевский, слушатель, как и читатель кошмарно-гениальных романов его, совершенно *терял свое «я»* и весь был в гипнотизирующей власти этого изможденного, невзрачного старичка, с пронзительным взглядом беспредметно уходивших куда-то глаз, горевших мистическим огнем, вероятно, того же блеска, который некогда горел в глазах протопопа Аввакума.

А.И. Куприн. Поединок.

Мое Я погаснет, точно лампа, у которой прикрутили фитиль.

В. Ерофеев. Москва - Петушки. 1969.

А бабушка моя, глухонемая, с печки мне говорит: «Вот видишь, как далеко зашла ты, Дашенька, *в поисках своего «я»!*»

В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени. 1996-1997.

Самолюбивое «я», даже *оно посмирнело, умалилось, ушло*, пребывая где-то в самых моих подошвах, в пятках, и шаркало по асфальту вместе с тысячью ног.

Б. Хазанов. Alter ego.

Заметьте, что во сне можно пережить состояние *утраты своего «я»*.

- *Я* активно, оно обладает волей, сознанием, восприятием.

М.А. Бакунин. О философии. 1840.

Отвлеченное, себя сознающее *я* *создает* конкретное содержание живой индивидуальности и имеет в нем свое единственное наполнение.

А. Григорьев. И.С. Тургенев и его деятельность: По поводу романа «Дворянское гнездо». 1859.

Права ли действительность, правы ли *требования нашего я* – вопрос довольно щекотливый.

А. Григорьев. Русская изящная литература в 1852 году. 1853.

Все прихоти, все недуги, все неуклюжие претензии болезненно напряженного Я – получали тут [в произведениях так называемой натуральной школы – М. Б.] право гражданства и полное оправдание.

С.М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей. 1886.

Его внутреннее «я» *развило тезис* о том, что отмена устава 1863 года придает необычайный стимул изучению наук и поднимает учение в России до уровня, достигнутого в этой области немецкими университетами.

И. Анненский. Листы. 1904.

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, *тоскующее я?*

М.П. Арцыбашев. У последней черты. 1910-1912.

Значит, жизнь была драгоценностью!.. Пустая, ненужная, полная очевидного бессмыслия, она оказалась дороже своего внутреннего «я», и оно *смирилось, трусливо завопило и зубами уцепилось* за эту им же проклятую жизнь!

Н. Гумилев. Письма о русской поэзии. 1908-1918.

Образы Сологуба... но какие могут быть образы, если поэт сказал, что есть только «Я», единственная реальность, *создавшая мир*.

М.М. Бахтин. Автор и герой в эстетической деятельности. 1920-1924.

Я устрою свое внутреннее я, *волящее, любящее, чувствующее, видящее и знающее*, изнутри в совершенно иных ценностных категориях, к моей внешней выраженности непосредственно неприложимых.

М.И. Цветаева. Поэты с историей и поэты без истории. 1933.

А все вместе – образ *спотыкающегося от немощи и счастья – «я»*.

Б. Левин. Иностранное тело. 1965-1994.

И вот этому последнему неписанному коду поведения наше внутреннее «я» *решительно воспротивилось*.

Ю. Мамлеев. Яма. 1965.

Но мое «я» *хочет убить* себя... убить... убить... Опять влечет та самая, скрытая сила... Унести... Унести себя... Куда-нибудь подальше... туда, в яму... *Неси меня мое «я»...*

• В я происходит рефлексивная деятельность.

В.К. Кюхельбекер. Дневник. 1835.

Еще возражение Шеллингу, отрицающему в *самобытном, бесконечном Я самопознание*.

А.А. Потебня. Мысль и язык. 1862.

Я, как субъект, неопределимо, потому что всякое его определение есть содержание мысли, предмет самосознания, *нетождественный с самосознающим я*.

Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях. 1863.

А в природе французской, да и вообще западной его в наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного *самосохранения, самопромышления, самоопределения* в своем собственном Я.

А. Белый. Петербург. 1916-1928.

Правду острого помешательства он теперь сознал; самое помешательство, в сущности, перед ним стояло отчетом разболевшихся органов чувств – *самосознающему «Я»*.

- Я есть мера поступков.
М.М. Пришвин. Дневники. 1914.
Я поступил так-то, это еще не значит, что я *поступил согласно своему «я»*.
- Я может превратиться в свою противоположность.
А. Белый. Петербург. 1916-1928.
«Я» становилось «не-я».
М.М. Пришвин. Дневники. 1928.
Теперь я очень хорошо понимаю, что это *превращение Я в Мы* выражает собой сущность всего творческого процесса и с одной стороны бесконечно просто, с другой бесконечно сложно.
- Я можно (о)сознавать, чувствовать, воспринимать.
В. Соловьев. Еврейство и христианский вопрос. 1885.
Как весь Израиль, так и каждая семья в нем и каждый член этой семьи до глубины души и до мозга костей проникнуты *чувством и сознанием своего* национального, семейного и личного Я.
Л.Н. Толстой. Закон насилия и закон любви. 1908.
Спасение людей от их унижения, порабощения и невежества произойдет не через революции, не через рабочие союзы, конгрессы мира, а через самый простой путь, – тот, что каждый человек, которого будут привлекать к участию в насилии над своими братьями и над самим собой, *сознавая в себе свое истинное духовное «я»*, с недоумением спросит...
Вяч. Иванов. Достоевский и роман-трагедия. 1911.
Проникновение есть некий *transcensus* субъекта, такое его состояние, при котором возможным становится *воспринимать чужое я* не как объект, а как другой субъект.
В. Набоков. Лолита. 1955.
Окруженный унылой растительностью Арктики – мелким ивняком, лишайниками, – пронизанный и, как полагаю, прочищенный свистящим ветром, я сидел, бывало, на круглом камне, под совершенно прозрачным небом (сквозь которое, однако, не просвечивало ничего важного) и чувствовал себя до странности *отчужденным от своего "я"*.
Д. Самойлов. Общий дневник. 1977-1989.
Почему мы *чувствуем материальное „я“* слабее, чем духовное?
- Я можно сделать предметом поклонения.
В.В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. 1893-1906.
Мир религиозных сект, отсюда выросших, это странное исповедание Бога по-своему чуть не в каждой местности, без какого-либо желания согласовать свою веру с верою других, есть в сфере религиозного сознания то же, чем был ранее в сфере общественно-политической феодализм, это другое странное желание *делать повсюду центром своих понятий и интересов личное я* как нечто безусловное.
И.С. Аксаков. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк. 1874.
Мы видели также, что *поклонение своему я* было ему ненавистно.
- (*свое*) Я можно умалить, уничтожить, от него можно отказаться.

В.Г. Белинский. Литературные мечтания. 1834.

Попри ногами твою своекорыстное я.

В.Г. Белинский – М.А. Бакунину, 16 авг. 1837 г.

Его [В. Боткина – М. Б.] совершенное самозабвение, отрешение от своего Я – даже не производят во мне досады на самого себя: я забываюсь, смотря на него.

А. Григорьев – М.П. Погодину, 10 авг. 1857 г.

Да иссохнет десница моя, если я забуду тебя, о Иерусалим, т. е. зеленый «Москвитянин»! Благоднейшая, сознательнейшая полоса юности, формация крепких и возвышенных верований, купленных и страданиями и безумною, но широкой жизнью и безумными, но поднимающими душевный строй страстями, и страшными жертвами своего «я», и смирением перед правдою.

Л.Н. Толстой. Дневник 1901 г., 26 декабря:

Единственное спасение – это вынесение из себя своего «я», любовь к другому.

Вяч. Иванов. Достоевский и роман-трагедия. 1911.

Он [Ставрогин – М.Б.] дружится с сатанистами, беседует с Сатаной, явно ему предается. Отдает ему свое я, обещанное Христу, и оказывается опустошенным, – до предварения еще при жизни «смерти второй», до конечного уничтожения личности в живом теле.

Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания. 1975-2003.

Я имею в виду нечто, более духовное и редкое – отказ от собственного „я“.

- Я можно управлять.

В. Набоков. «Пнин» (пер. С. Ильина). 1957.

Бетти сохранила свое управляемое маленькое "я" и со знанием дела пеклась о закусках.

- Я можно подвергнуть насилию или освободить.

В.М. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. 1898-1925.

Оно сразу подавляет психическое «я», устраняя всякое сопротивление со стороны последнего.

Л. Троцкий. В.А. Жуковский. 1902.

Романтизм был тимпанами и кимвалами, славившими человеческое я, освобожденное Великой Революцией из кандалов «старого порядка».

Вяч.И. Иванов. Достоевский и роман-трагедия. 1911.

Они – стадо, потому что изо всех них как бы вынута я: парализовано в них живое я и заменено чуждою волей.

Ю. Мамлеев. Яма. 1965.

Я чувствовал, что мое «я» выпито каким-то странным, трансцендентным чудовищем или отторгнуто от меня и поднято над миром, поднято в какую-то стихию Недостижимого.

- Я можно поднять и держать, как флаг или хоругвь.

Л.Н. Толстой. Путь жизни. 1910.

Человек хорош, когда он высоко держит свое духовное божественное «я»; но когда он хочет поднять над людьми свое животное, тщеславное, честолюбивое, исключительное «я», тогда он ужасен.

- Я можно основать и утвердить.

В. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве. 1878.

Если откровению Бога как исключительного я отвечало и в народе Божиим исключительное *утверждение своего национального я* среди других народов, то сознание, которому Бог открылся как универсальная идея, как всеобъемлющая любовь, необходимо должно освободиться от национального эгоизма, необходимо должно стать общечеловеческим.

Вяч.И. Иванов. Достоевский и роман-трагедия. 1911.

Свое я пожелал он слить с я народным, но зато и *утвердить народное я*, как Христа.

Ф. Степун. Встречи. 1962.

В неподлинность и произвол потому легко соскальзывают люди, *утверждающие свое «я»* вне связи с истиной, или люди, утверждающие его на чужой истине.

До сих пор речь шла о таких контекстных связях я, которые выявляют его предикаты – свойства, характеристики, действия (в активном или пассивном смысле). Любопытны также связи этого слова, позволяющие увидеть, как интуитивно понимается суть самого я. Повторю, что прямые дефиниции в этом отношении не показательны, поэтому основным источником сведений о я становятся слова и понятия, с которыми я сопоставляется.

Что сближается с я?

- личность

К.С. Аксаков. О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского). 1838.

Человек встречается существа, ему подобные, себя сознающие, так же как и он; *его Я* снова теряется в них; тогда он произнес «ТЫ» – и отделил себя от других Я, ему подобных. – Итак, первый момент освобождения, первое определение *личности*, было первое личное Имя.

Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях. 1863.

В братстве, в настоящем братстве, не *отдельная личность*, не Я, должна хлопотать о праве своей равноценности и равновесности со всем остальным, а все-то это остальное должно бы было само прийти к этой требующей права *личности*, к этому *отдельному Я*.

И.С. Аксаков. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк. 1874.

Поклонение *человеческому я* вообще представлялось ему ... возведением *человеческой личности* на степень кумира.

В.С. Соловьев. Еврейство и христианский вопрос. 1885.

Суций Бог Сам себя определяет и является как *совершенная личность* или *абсолютное Я*.

М.М. Пришвин. Дневники. 1914.

Общественность слагается из поступков людей, а поступок, только окончательный, часто никакой близкой связи с *личностью* не имеющий акт души: я поступил так-то, это еще не значит, что я поступил согласно *своему «я»*.

М.И. Цветаева. Поэты с историей и поэты без истории. 1933.

Я поэта есть я сновидца плюс *речетворца*. Поэтическое я – не что иное, как я мечтателя, пробужденное вдохновенной речью и в этой речи явленное. Такова, в целом, *личность поэта*.

В.В. Виноградов. История слов. 1920-е-1940-е гг.

Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVIII в. было чуждо понятие о единичной конкретной *личности*, индивидуальности, о самосознании, об отдельном *человеческом «я»* как носителе социальных и субъективных признаков и свойств.

А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. 1973-1975.

Понятно также, что все предшествующие меры соединяются с бессонницей, совсем не оцененную Средневековьем: оно не знало об узости того диапазона, в котором человек сохраняет свою *личность*. Бессонница ... мутит разум, подрывает волю, человек перестает быть *своим «я»*.

- *индивидуальность*

М.А. Бакунин. О философии. 1840.

Отвлеченное, *себя сознающее я* сознает конкретное содержание живой *индивидуальности* и имеет в нем свое единственное наполнение.

Я.Э. Голосовкер. Интересное. 1956.

Оно [лицо – М.Б.] может быть характерным, особенно выразительным, может носить на себе печать *индивидуальности – своего «я»*.

- *отдельное, мир, единица*

Е.И. Замятин. Мы. 1920.

Это было необычайно странное, пьяное: я чувствовал себя над всеми, я – был *я, отдельное, мир*, я перестал быть слагасмым, как всегда, и стал *единицей*.

- *субъект*

М.А. Бакунин. О философии. 1840.

Разумеется, что *наблюдающий субъект* есть то же *индивидуальное я*, которое было *познающим субъектом* и в чувственной достоверности.

А.А. Потебня. Мысль и язык. 1862.

Я, как субъект, неопределимо.

- *внутреннее, внутренняя жизнь*

А.А. Дмитриевский. Практические заметки о русском синтаксисе. 1878.

Субъективное, в философском смысле этого слова, (субъект – *внутреннее, я, лицо*) лишь одно сказуемое, как выражающее личное впечатление говорящего субъекта.

П. Флоренский. Имена. 1926.

Ведь около него [имени – М.Б.] именно оплотняется *наша внутренняя жизнь*, оно – твердая точка нашей текучести, в нем находит себе объективный устой и неизменное содержание *наше Я*.

- *душа*

Л.Н. Толстой. Еще о науке. 1909.

А таких основ ... так же, как и диаметров, определяющих сферу, тоже три: первая – учение *о своем «я»*, отделенном от Всего, т.-е. учение *о душе*.

А.Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. 1974.

Он не существует в веществе мозга в форме вещи, как не существует и никакого «наблюдателя» этой вещи, которым может быть только *душа*, только *духовное «я»*.

Ю.А. Бахрушин. Воспоминания.

[Дядя мемуариста коллекционер С.А. Бахрушин говорил:] Ты понимаешь, в каждую хорошую вещь, которую создавал настоящий художник, он вкладывал *свою душу, свое «я»*.

- *сознание*

Н.И. Пирогов. Дневник старого врача. 1879-1881.

И в каждой животной особи, кроме сознания (более или менее ясного) личности, существует еще *сознание племенное*, а в людях, кроме *племенного я*, есть еще и общечеловеческое.

В.М. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. 1898-1925.

Если бы под внушением мы понимали всякое вообще непосредственное влияние на человека помимо *его «я»* или *личного сознания*, то мы могли бы отождествить эту форму воздействия на нас окружающих условий с формой пассивного восприятия.

В.В. Зеньковский. П.Я. Чаадаев. 1948.

С одной стороны, *индивидуальное эмпирическое сознание* (его Чаадаев называет «субъективным» разумом) может, конечно, в порядке самообольщения, почитать себя «отдельным», но *такое «пагубное я»*, проникаясь «личным началом», «лишь разобщает человека от всего окружающего и затуманивает все предметы».

М. Липовецкий. Дело в шляпе, или Реальность Рубинштейна. 2004.

В принципе, книга прозы Рубинштейна оказывается аналогичной его поэзии на карточках, где разные обыденные и фантастические (а чаще обыденно-фантастические) голоса и фрагменты складывались в сложную музыкальную тему, которая в конечном счете вырастала в сборную метафору *калейдоскопического «Я»* – все того же *авторского сознания*.

- *сознательное существо*

А.А. Фет. Ранние годы моей жизни. 1890-1891.

А так как дом Григорьевых был истинною колыбелью *моего умственного я*, то позволю себе остановиться на некоторых подробностях в надежде, что они и мне, и читателю помогут разяснить полное мое перерождение из бессознательного в более *сознательное существо*.

- *самосознание*

М.А. Бакунин. О философии. 1840.

Отвлеченное *самосознание*, взятое от конкретной индивидуальности ... не есть единичное, но всеобщее я.

- *сердце, человек*

В.П. Боткин. Стихотворения А.А. Фета. 1856.

Прежде всяких требований современности существует *личное я*, существует это *сердце*, этот *человек*, имеющий неотъемлемое право быть самим собою.

И. С. Тургенев. Когда я один...: Двойник. 1879.

Уж не мой ли ты двойник? Не мое ли *прошедшее я*? Да и точно: разве между тем *человеком, каким я себя помню*, и теперешним мною — не целая бездна?

- *организм*

С.В. Шервинский. Около театра. 1980-е гг.

Я всегда верил, как верю и сейчас, что актерское *духовное*, творческое «я» неделимо ... Актерское начало, актерская одаренность ... есть ... потенция, которой нужно помочь развиться, не разрушая единства *духовного организма* приемами его аналитического дробления.

- *нервная система*

С.Д. Кржижановский. Клуб убийц букв. 1923.

Лишь отняв иннервацию у разрозненных, *враздробь действующих нервных систем* и отдав ее единому, центральному иннерватору, — учил Аноним, — можно планомерно организовать действительность, раз навсегда покончив с *кустарничающими «я»*.

- *самолюбие, возжеление и частничество*

С. Небольсин. «Русью пахнет»: к вопросу об обонятельных компонентах пушкинской семантической парадигмы. 2002.

Это «мы» — не карнавал множества неприкаянных («Бобок») *распоясавшихся «я»* ..., а нечто более чистое, тесное соборно-хороводное, не размытое на полифонию *взвинченных самолюбий, возжелений и частничества*.

- *человек вообще; смертный*

В.И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. 1908.

Вещи, среда, мир существуют независимо от нашего ощущения, от нашего сознания, *от нашего Я и от человека вообще*.

М.И. Цветаева. Поэты с историей и поэты без истории. 1933.

«Я» не может быть гением. Гением можно назвать «я», облечь в такое-то имя такого-то *смертного*, взять на временную потребу некие земные приметы.

Что противопоставляется я?

- *все остальное, (все) другое, вся вселенная*

Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях. 1863.

В братстве, в настоящем братстве, не отдельная личность, не Я, должна хлопотать о праве своей равноценности и равновесности *со всем остальным*, а все-то это остальное должно бы было само прийти к этой требующей права личности, к этому *отдельному Я* и само, без его просьбы должно бы было признать его равноценным и равноправным себе, то есть *всему остальному, что есть на свете*.

В. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве. 1878.

Кроме же этих светлых минут, во всем остальном течении нашей жизни идеальное единство наше *со всем другим* является для нас как прозрачное, несущественное, за настоящую же действительность мы признаем только *свое* отдельное, особенное я: мы замкнуты в себе, непрони-

цаемы для другого, а потому и другое, в свою очередь, непроницаемо для нас.

М.П. Арцыбашев. У последней черты. 1910-1912.

Мне необходимо было найти в себе силы, найти опору, поверить в громадность своего «Я» так, чтобы противопоставить его *всей вселенной!*.. *Вселенной, мировой воле, Богу*... что бы там ни был!

- бог

В.Г. Белинский – М.А. Бакунину, 16 авг. 1837 г.

Но как скоро дело касается до моих задушевных убеждений, я тотчас забываю себя, выхожу из себя, и тут давай мне кафедру и толпу народа: я ощущу в себе *присутствие божие*, мое маленькое *я исчезнет*, и слова, полные жара и силы, рекою польются с языка моего.

Л.Н. Толстой. Еще о науке. 1909.

А таких основ ... три: первая – учение о своем «я», отделенном от *Всего*, т.-е. учение о душе; вторая – учение о том, что такое то *Все*, от чего *человеческое «я»* сознает себя отделенным, т.-е. учение о *Боге*, и третья – учение о том, каково должно быть отношение «я» к тому *Всему*, от чего оно отделено, т.-е. учение о нравственности.

Л. Улицкая. Даниэль Штайн, переводчик. 2006.

Это очень важно, что *твое «Я»* сжимается, делается меньше, меньше занимает места, и тогда в сердце остается больше места *для Бога*.

- вещи, среда, (внешний) мир

В.И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. 1908.

«Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, состоит в том, что *вещи, среда, мир* существуют независимо от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего *Я* и от человека вообще.

Н. Гумилев. Письма о русской поэзии. 1908-1918.

Брюсов оперирует только двумя величинами – «я» и «мир» и в строгих, лишенных всего случайного схемах дает различные возможности их взаимоотношения.

Н. Лосский. Свобода воли. 1927.

Все приведенные выше доводы в пользу независимости хотений от *внешнего мира и тела* показывают, что они вытекают, правда, из самого *я человека*.

- предмет познания, объект, не-я

А. Григорьев. Мои литературные и нравственные скитальчества. 1862.

Начал он уж переваривать и тот процесс, в котором из нашего ... еще слитого с *предметом познания я* выделяется *я* сознающее.

С.Н. Булгаков. Философия хозяйства (мир как хозяйство). 1912.

В каждом познавательном акте осуществляется изначальное тождество *я и не-я, субъекта и объекта*.

- рассудок

М.М. Пришвин. Дневники. 1914.

Большинство поступков не зависит от *внутреннего Я*, а совершается или «стихийно», или же, проходя через горнило *рассудка*, теряет всякую связь с *первоначальным «я»*.

- *чуждая воля:*

Вяч.И. Иванов. Достоевский и роман-трагедия. 1911.

Они – стадо...: парализовано в них *живое я* и заменено *чуждой волей*.

- *третье лицо*

А.П. Чехов. Чайка.

После сигары или рюмки водки вы уже не Петр Николаевич, а Петр Николаевич плюс еще кто-то; у вас расплывается *ваше я*, и вы уже относитесь *к самому себе*, как *к третьему лицу*.

Ю.М. Лотман. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты.

Члены коллектива, пользующегося тайнописью ... рассматриваются *как единое «Я»*, по отношению к которому те, от которых текст должен быть скрыт, составляют *собирательное третье лицо*).

- *мы*

В. Ерофеев. Энциклопедия русской души. 1999.

Выходит, не «я» формирует идею «мы», но «мы» манифестно и речетворно. «Мы» плодит убудочных «я», как мелкую картошку.

В. Бондаренко. Покаяние грешного Глебушки. 2003.

Расширил *свое* индивидуальное «я» до народного «мы».

А. Зорин. Распределение ролей. 2006.

Ни уединенного мудреца, ни изгнанного поэта нельзя найти у Гаспарова. Его цикл вообще написан не *от «я»*, но от «мы»: «Устроим давку, раскидаем давку ... сложим ленты и венки грошовые / У статуи покойника Нерона».

Такова в общих чертах картина смысловых связей существительного *я*. Она позволяет увидеть, какие понятия сближаются с *я* и какие ему противопоставляются, какие свойства и действия носители языка приписывают *я* в своем словоупотреблении⁷. Весь этот материал складывается в образ *квазичеловека*, сложного и принципиально незавершенного, как и живой человек. В то же время интуитивно *я* воспринимается как нечто простое, возможно, именно потому, что существительное *я* вышло из местоимения *я*, которое лингвисты относят к семантически элементарным словам (примитивам).

На фоне очерченной картины употребления слова *я* становится очевидной недостаточность словарных определений его значения, которые были приведены в начале этого раздела. В этих определениях можно найти отдельные квазисинонимы *я* (*личность, субъект, самосознание*), его философские дефиниции («сознаваемая человеком собственная сущность»), но не описание смысловой специфики *я*, того смыслового зазора, который всегда остается между *я* и его сино-

⁷ Материал ассоциативного словаря под редакцией Ю.Н. Караулова, выявляющий для слова *я* наиболее частые реакции (*ты, человек*) и стимулы (*ты*) (соответственно, РАС, т. I, с. 744-745; т. II, с. 972-973), для моих целей малопоказателен, так как извлечен не из реальных текстов, а собран при анкетировании внеконтекстных ассоциаций информантов.

ними. Очевиднее всего этот остаток, пожалуй, в таких парах, как *мое я – я, свое я – себя, человеческое я – человек, авторское я – автор, психическое я – душа* и под. О смысловой близости членов таких пар свидетельствует прежде всего то, что в текстах они могут варьировать. Так, например, *свое я* варьирует с (*самого*) *себя*:

В.К. Кюхельбекер. Дневник. 1835.

Едва ли возможно удовлетворить *самому себе, собственному я*, отрекшись от этих отношений.

Г.Г. Шпет. Внутренняя форма слова. 1927.

Самое внутреннюю форму готовы истолковать, как определение субъектом через *себя*, через *свое «я»*, и как наполнение им собою же, формы художественного произведения.

Л. Улицкая. Люди нашего царя. 2005.

С юности делаешь титанические усилия, чтобы собрать, сложить *свое «я»* из случайных, чужих, подобранных жестов, мыслей, чувств и, кажется, вот-вот ты готов обрести полноту *самого себя*.

В ряде случаев *свое я* служит перифразой *себя*, как, например, в следующем контексте:

М.П. Арцыбашев. Санин. 1900-1902.

С какой стати я принесу *свое «я»* на поругание и смерть, для того, чтобы рабочие тридцать второго столетия не испытывали недостатка в пище и половой любви!

Перифраза типа «притяжательное местоимение + существительное» для личного местоимения 1-го лица явление не новое. В церковнославянском в этой роли выступало библейское *душа моя* (Лк. 1, 46: Величит *душа моя* господя), в древнерусском (по греческому образцу) *моя худость* (Зализняк 2004, 254). Почему *свое я*, а не просто *себя*? Если причину видеть в семантике, что, возможно, потому, что недостаточно указать на определенного человека, но важно подчеркнуть, что он имеется в виду в определенном качестве. Каком? В первом приближении ответить на этот вопрос, может быть, можно так: 'как то, что (имеют в виду, когда говорят) «я»'. Тогда *я-существительное* значило бы 'то, что (имеют в виду, когда говорят) «я»'. Сходной формулировкой воспользовался М.В. Панов в поэме «Одна»: «И с болью, / сломав в себе *все, что – он* / отпустил ее» (Панов 2001, 150). На месте *все, что он* здесь возможны *себя* или *свое я*, ср., например, ряды *свое – свое я – его я* или *все мое – мое «я» – весь я* в следующих контекстах:

А.А. Потебня. Мысль и язык. 1862.

На первых порах для ребенка еще *все – свое*, еще *все – его я*, хотя именно потому, что он не знает еще внутреннего и внешнего, можно сказать и наоборот, что для него вовсе нет *своего я*.

А.Н. Толстой. Эмигранты. 1931.

И все мое, весь я отскакиваю от кожаной куртки человека с безжалостно сжатым ртом и мрачными глазами, глядящими сквозь мое «я».

Разумеется, что 'то, что (имеют в виду, когда говорят) «я»' еще не значение существительного *я*, но лишь указание на дистанцию между *я*-существительным и его местоименным источником. В отличие от *я*-местоимения, *я*-существительное может относиться не только к говорящему, но к любому лицу. Когда рефлексия направлена на самого себя (*мое я, свое я*), то *я* – это квазичеловек внутри говорящего (*внутренний человек, внутреннее я*). Если же *я* относится не к самому говорящему, а к другому (*его я, человеческое я, авторское я*), то говорящий признает в другом квазичеловека, говорящего и действующего от 1-го лица. Если это так, то, став существительным, *я* из личного местоимения 1-го лица стало универсальным (для всех трех лиц) словом – обозначением личного начала как такового.

Литература

- Бабкин, А.М., В.В. Шендецов. 1981. *Словарь иноязычных выражений и слов. А-Я*. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Москва.
- БАС – Чернышев, В.И. и др. (ред.) 1965. *Словарь современного русского литературного языка*. Вып. 17. Москва.
- Бобрик, М.А. 2007. К истории понятия «я» в русском языке: сочетания со словом *внутренний*. – *Персональность: Язык философии в русско-немецком диалоге*. Москва, 235-259.
- БТС – Кузнецов, С.А. (ред.) 2003. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург.
- Виноградов, В.В. 1986. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Изд. 3-е, исправленное. Москва.
- Галич, А. 1819. *История философских систем, по иностранным руководствам составленная*. Санкт-Петербург.
- Горшкова, К.В., Г.А. Хабургаев. 1981. *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Григорьев, А. 1988. *Воспоминания*. Москва.
- Дворецкий, И.Х. 1976. *Латинско-русский словарь*. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Москва.
- Еськова, Н.А. 2003. Лексикографические заметки (Подача прилагательных знакомый, соленый, целый) – Пшеничнова, Н.Н. (ред.) *Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова* Москва, 396-400.
- Ефимова, В.С. 2002. Местоимение первого лица в древнейших славянских текстах. – *Славяноведение*. 2002, № 4.
- Зализняк, А.А. 2003. *Грамматический словарь русского языка: Словоизменение*. 4-е изд., исправленное и дополненное. Москва.
- 2004. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд., переработанное. Москва.
- Иванов-Разумник. Комментарий – В.Г. Белинский. *Собрание сочинений*. Под ред. Иванова-Разумника. Т. 1.
- Карамзин, Н.М. 1984. *Письма русского путешественника*. Ленинград.
- [Карамзин, Н.М.] 1893. Переписка Карамзина с Лафатером 1786-1789 – *СОРЯС. Т. LIV*. 1893. № 5.

- Красухин К.Г. 2000. Заметки об этимологии местоимения 1 лица – *Труды университета "Дубна": Гуманитарные и общественные науки*. Выпуск 1. Дубна.
- Лотман, Ю.М. Б.А. Успенский. 1984 «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры – Карамзин, Н.М. *Письма русского путешественника*. 525-606.
- МАС – Евгеньева, А.П. (ред.) 1984. *Словарь русского языка*. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Т. 4. Москва.
- Нечаева, В.С. (ред.) 1963. *П.А. Вяземский. Записные книжки*. Москва.
- Николаева, Т.М. 2003. Пространство славянских партикул – *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации*. Москва, 448-469.
- Ожегов С.И., Н.Ю. Шведова. 1992. *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- Павловский, И.Я. 1902. *Немецко-русский словарь*. Изд. 3-е, исправленное и значительно дополненное. Третий оттиск. Рига.
- Панов, М. 2001. *Олени навстречу: Вторая книга стихов*. Москва.
- [Прутков, Козьма] 1955 *Сочинения Козьмы Пруткова*. Москва.
- РАС – Караулов, Ю.Н. и др. (ред.). 2002. *Русский ассоциативный словарь*. Т. I-II. Москва.
- РСС – Лопатин, В.В. 1997. *Русский толковый словарь*. Москва.
- СРЯ XVIII в – Сорокин, Ю. и др. (ред.). 1984. *СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1*. Ленинград.
- Толстой, Л.Н. 1963. *Собрание сочинений в 20-ти тт.* Т. 7. Москва.
- Топоров, В.Н. 1992. Из индоевропейской этимологии. IV (1). *eg'h-om (*He-g'h-om): *men. 1 Sg. pron. pers. – *Этимология. 1998-1990*. Москва, 128-153.
- Ушаков Д.Н. (ред.) 1940. *Толковый словарь русского языка*. Т. IV. Москва.
- Фасмер, М. 1987. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. IV. Изд. 2-е, стереотипное. Москва.
- ЭССЯ – Трубачев, О.Н. 1974. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 1. Москва.
- Bobrik, M. 2008 Zur Begriffsgeschichte des ‚inneren Ich (Selbst)‘ im Russischen. – A. Naardt et al. (Hrsg.). *Diskurse der Personalität: Die Begriffsgeschichte der ‚Person‘ aus deutscher und russischer Perspektive*. München, 267-297.
- Drosdowski, G. (Bearb.). 1997. *Duden, Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache*. Mannheim u.a.
- DW – Grimm, J., W. Grimm. 1984. *Deutsches Wörterbuch*. Nachdruck. München.

Берлин
(marina.bobrik@online.de)

Марина Анатольевна Бобрик